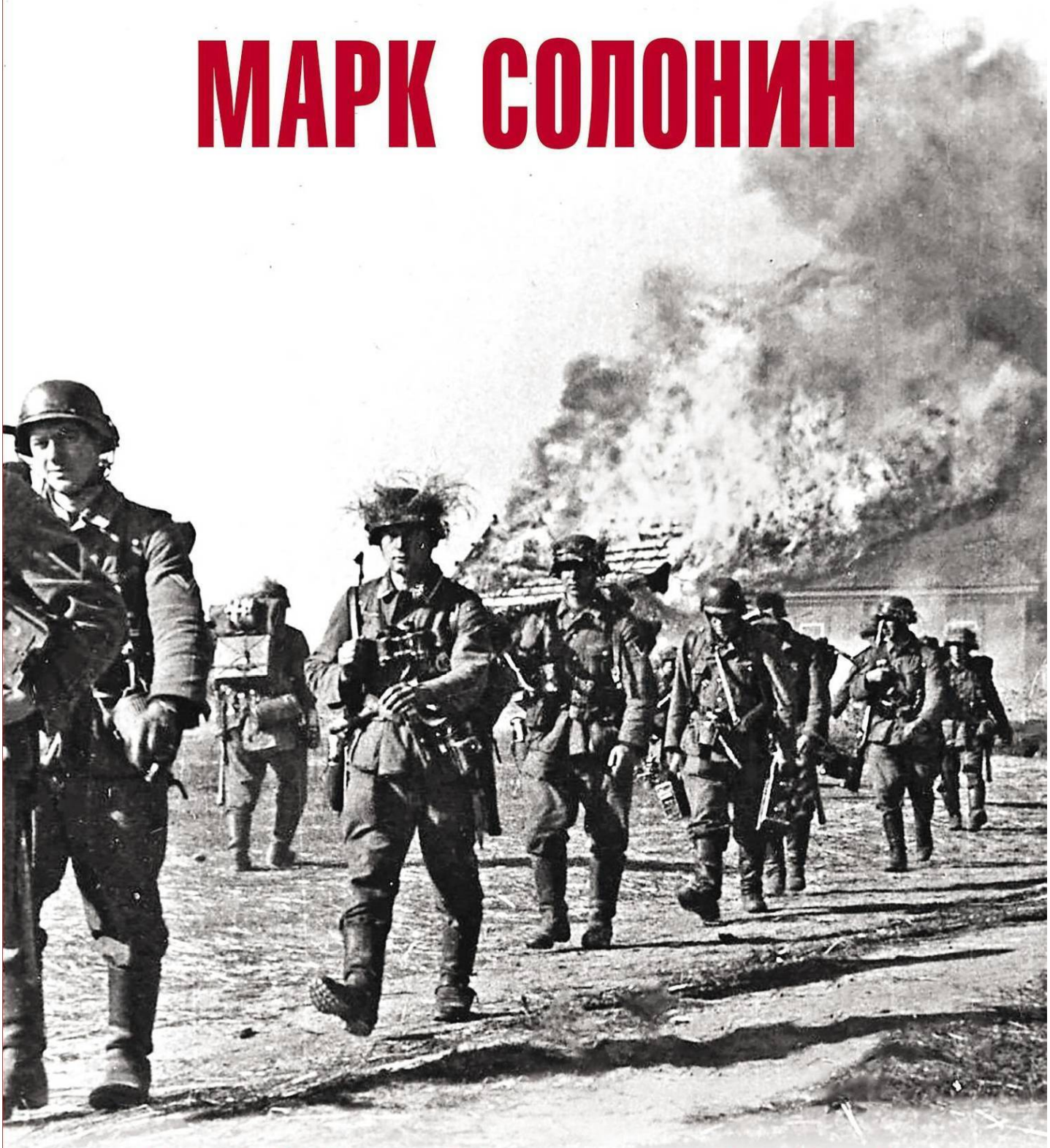
МАРК СОЛОНИН



НЕТ БЛАГА НА ВОЙНЕ

Великая Отечественная война. Особое мнение

Марк Солонин

Нет блага на войне

«Яуза»

УДК 94.4
ББК 63.3(0)

Солонин М. С.

Нет блага на войне / М. С. Солонин — «Яуза», — (Великая Отечественная война. Особое мнение)

ISBN 978-5-00155-032-7

Очень много книг сейчас посвящается Великой Отечественной войне и интерес к этой вечной теме в нашей стране не угасает. Мы гордимся подвигами наших предков, чтим их память. В этой книге известный историк Марк Солонин высказывает особую точку зрения на события Великой Отечественной войны, подчас неприятную и вызывающую отторжение. Автор предлагает вам альтернативное мнение по важнейшим событиям в истории: началу Второй мировой войны, гибели сотен тысяч жителей блокадного Ленинграда, преступлениях украинских фашистов… Вы сможете глазами автора взглянуть на изнанку войны, на взлеты и падения, подвиги и предательство. Книга покажет обратную сторону медали и познакомит вас с другой версией исторических событий.

УДК 94.4
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-00155-032-7

© Солонин М. С.
© Яуза

Содержание

Три плана товарища Сталина 5
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Марк Солонин
Нет блага на войне

Три плана товарища Сталина

Есть факт. На рассвете 22 июня 1941 г. нападение Гитлера на Советский Союз стало для товарища Сталин страшной неожиданностью. В возможность такого развития событий Сталин не верил. Даже вечером 21 июня, когда от командования приграничных округов в Москву полетели шифровки о том, что немцы снимают колючую проволоку на границе и в воздухе висит гул танковых моторов, когда по меньшей мере три солдата вермахта переплыли пограничный Буг в попытке предупредить Родину трудящихся всего мира – даже тогда товарищ Сталин усомнился в достоверности этих сообщений. Да и утром 22 июня Сталину потребовалось несколько часов для того, чтобы принять, наконец, реальность к сведению.

Советское радио передавало бодрую воскресную музыку и зачитывало сводки с полей в то время, когда радиостанции всего мира транслировали заявления Гитлера и Риббентропа. Министр иностранных дел фашистской Италии до полудня безуспешно пытался найти советского посла, чтобы вручить ему официальную ноту с объявлением войны – в воскресенье 22 июня советский дипломат изволили отдыхать на пляже. Поверенный в делах Соединенного Королевства (английского посла С.Криппса к тому времени уже де-факто выпроводили из Москвы) Баггалей до 12 часов дня 22 июня не мог добиться встречи с Молотовым, а заместитель наркома иностранных дел Вышинский высокомерно отказался от какого-либо обсуждения вопросов оказания помощи Советскому Союзу со стороны Великобритании, ссылаясь на отсутствие руководящих указаний.

Нападение Германии изумило обитателей кремлевских кабинетов, ошеломило их и повергло их в состояние шока. Это есть факт.

Есть еще один факт, точнее говоря – большая группа фактов. В мае – июне 1941 г. Вооруженные Силы Советского Союза находились в состоянии скрытого стратегического развертывания. Причем все составляющие стратегического развертывания (мобилизация резервистов, стратегическая перегруппировка и сосредоточение войск, оперативное развертывание группировок) производились в режиме строжайшей, небывалой даже по сверхжестким сталинским меркам, секретности.

Войска западных округов выдвигались к границе ночными переходами, а днем прятались в лесах; соединения внутренних округов перебрасывались на Запад в заколоченных фанерными щитами вагонах, причем место выгрузки (и уж тем более – цель перегруппировки и боевую задачу) не знали даже командиры соединений. Призыв резервистов производился персональными повестками под видом «учебных сборов». Правительство СССР до самого последнего часа не предъявляло Германии никаких претензий, связанных с концентрацией немецких войск у границы. Более того, официальный рупор советского руководства – агентство ТАСС – 14 июня распространило умиротворяющее заявление: «Никакой войны между СССР и Германией не предвидится, стороны строго соблюдают условия Пакта о ненападении: слухи о близящейся войне «*являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил*».

В июне 41-го года Советский Союз готовился к широкомасштабным военным действиям, но при этом всеми возможными способами старался срыть ведущуюся подготовку. Это есть факт.

Перед историками возникла задача: соединить эти два факта в одну картину, дать им внутренне непротиворечивую интерпретацию. Проще говоря, предстояло разъяснить один-

единственный вопрос: если Сталин не ожидал немецкого вторжения, то для какой надобности тысячи воинских эшелонов шли к границе, а на базе приграничных округов были развернуты управления ФРОНТОВ, и уже 19 июня – за два дня до нападения, которого Сталин не ждал – фронтовые управления по приказу из Москвы начали выдвижение на полевые командные пункты?

Двадцать лет назад развернутый ответ на этот вопрос дал Виктор Суворов. Он предположил – и обосновал имевшимися в его распоряжении открытыми советскими публикациями – что Сталин готовился к войне. Готовился всегда, с самого первого дня своей власти. Коллективизация, индустриализация, Большой террор – все это лишь разные грани многогранной работы товарища Сталина по превращению Страны Советов в огромный военный лагерь и разделению строителей коммунизма на две категории: «рабсила» и «пушечное мясо». В августе 1939 г. Сталин принял окончательное решение – поддержать Гитлера. Поддержать его так, как веревка поддерживает повешенного. Сталин помог Гитлеру начать войну против коалиции западных держав (Англия, Франция и их союзники) для того, чтобы начавшаяся истребительная война разорила Европу, по пепелищу которой армиям Сталина предстояло пройтись триумфальным маршем. В июне 1941 г. подготовка к этому маршу была прервана неожиданным для ослепленного манией величия Сталина вторжением вермахта.

В дальнейшем гипотеза В. Суворова продемонстрировала главный признак истинной научной теории, а именно: все новые факты и документы укладывались в рамки концепции Суворова, как патроны в обойму. Точно и четко, не разрушая конструкцию, но лишь повышая ее «убойную мощь». П.Бобылев, Т.Бушуева, В.Данилов, В.Киселев, М.Мельтюхов, В.Невежин, И.Павлова, М.Солонин, Ю.Фельштинский – вот далеко не полный перечень российских историков, в работах которых приведены сотни документов и фактов, подтверждающих гипотезу В.Суворова и фактически переводящих ее из разряда «гипотезы» в ранг научно установленной истины (вопреки модной ныне политкорректности я считаю, что истина таки существует, и задача исторической науки заключается именно в поиске истины, а не в одном лишь «написании текстов»).

С другой стороны, за истекшие после выхода в свет «Ледокола» двадцать лет альтернативных концепций сформулировано не было. Нет ни одной книги, нет ни одной статьи. Никто и ни разу не пытался дать другое объяснение, другую интерпретацию двум, названным мною выше, фундаментальным фактам. Зато есть огромный, возрастающий с каждым днем поток критики Суворова.

Информационное поле заполнено и переполнено диким шумом, гамом, визгом, глумливым хохотом. Огромные площади карельских лесов изведены на издание пасквильных книжонок, в которых с ритуальными выкриками повторяется ставший уже стандартным набором «предъяв». По косточкам разобрана личность Суворова, и «как дважды два доказано», что он очень, очень плохой человек. Не наш он человек. Редиска. До бесконечности повторяются претензии по поводу ошибок в производственных индексах продукции Харьковского паровозостроительного (то бишь танкового) завода или неверно указанного диаметра левого заднего поддерживающего катка.

По глубоко верному замечанию Д.Хмельницкого, производителей «анти-суворовской» макулатуры «*даже бессмысленно упрекать в недобросовестности – авторы исключительно добросовестно выполняют задачу, исключающую добросовестный научный подход. Ни по форме, ни по сути она не может числиться по разряду научно-исторической литературы. Это сочинения, консолидирующие идеологическое сообщество».* От полной безнадеги иные критики ограничиваются лишь бесконечным повторением мантры: «Суворов врет в каждом слове». На «посвященных», т. е. на членов секты «воинствующих антирезунистов» эти выкрики производят магическое действие, аналогично камланию шамана.

«Мне не нужна критика, мне нужна версия». Эта фраза, которую записал на одном из бесчисленных Интернет-форумов анонимный посетитель, предельно четко описывает сложившуюся к 2008 году историографическую ситуацию. Версии, альтернативной гипотезе/теории В.Суворова, как не было, так и нет. Особенно примечательно гробовое молчание мэтров отечественной «исторической науки». Сразу же спешу уточнить – под «молчанием» я понимаю отсутствие ВЕРСИИ, отсутствие логичной, связной, опирающейся на факты интерпретации действий Сталина в 1939–1941 годах. Шума, крика и призывов «прекратить переписывать историю» полным-полно. Иные выступления российских академиков заставляют лучших отечественных юмористов сгорать от зависти.

Вот, например, выступает на страницах газеты «Красная Звезда» (а это, если кто забыл – официальный печатный орган Министерства обороны РФ) товарищ О. Ржешевский и говорит такие слова: «*Отвергнутая как несостоятельная большинством российских и западных историков, эта версия* (версия В.Суворова. – *М.С.*) *тем не менее проросла на отечественной почве прежде всего по той причине, что в средствах массовой информации фактически не дают возможности противопоставить ей имеющиеся достоверные документы и факты*». [1]

Вот оно что – не допускают Заведующего отделом истории войн и геополитики Института всеобщей истории Российской академии наук, Президента ассоциации историков Второй мировой войны, доктора исторических наук, профессора Ржешевского к редакциям и издательствам. Не может маститый ученый предъявить публике «имеющиеся у него достоверные документы и факты». Я, «историк-любитель из Самары» могу предъявить, а Президенту и профессору рот затыкают. Страшное дело. Не иначе, как и здесь «англичанка гадит»…

И не только товарищ Ржешевский связан по рукам и ногам. В одной лишь Москве златоглавой в столичном отделении Академии военных наук числится 257 докторов и 436 кандидатов наук. И это только в Москве. По статуту докторская диссертация должна представлять собой «фундаментальное исследование, формирующее новое направление в науке». 257 научных открытий! Выдающиеся ученые движутся к познанию истины тучными стадами. А ведь, кроме докторов военных наук, на российских нивах, обильно орошенных нефтедолларами, пасутся несравненно более многочисленные отары докторов исторических наук. А нынче завелись еще и социологические, и политологические доктора…

Оглушительное молчание официальной военно-исторической науки – это не просто «знак согласия» с гипотезой Суворова. Это белая простыня капитуляции, свисающая с подоконника генеральских дач. Имея в своем распоряжении все архивы России, имея толпу штатных, оплаченных за счет налогоплательщика подчиненных, они так и не смогли за 20 лет предъявить «городу и миру» ни одного документа, подтверждающего миролюбивые устремления Сталина.

* * *

Если научная дискуссия об общей направленности военно-политических планов Сталина к настоящему времени может считаться завершенной, то **вопрос о запланированных сроках начала вторжения в Европу по-прежнему остается открытым**. И это неудивительно – для сокрытия и извращения информации по этой проблеме официальная советская/российская «историческая наука» приложили максимум усилий. Не будем забывать и о том, что выявление конкретных планов и сроков в принципе невозможно без доступа к тому массиву документов высшего военно-политического руководства СССР, какие и по сей день наглухо закрыты для любого независимого исследователя.

Как будет показано ниже, планы эти ТРИЖДЫ менялись, и причудливое переплетение обрывков информации о трех, весьма различных по замыслу, планах Сталина ставит перед историками чрезвычайно сложную задачу. Единственное, что можно сказать сегодня со всей

определенностью – это то, что в рамках имеющейся источниковой базы РЕШИТЬ эту задачу не удастся. Если что и возможно, так это лишь сформулировать ряд ГИПОТЕЗ, которые будут подтверждены либо опровергнуты следующим поколением историков. Тем, кто считает обсуждение недоказуемых гипотез бесполезной тратой времени, нет смысла продолжать чтение данной статьи. Всех остальных я прошу смириться с присутствием в этом тексте огорчающих и меня самого слов-паразитов: «возможно», «скорее всего», «вероятно», «не исключено», «можно предположить»…

Первый, изначальный план Сталина был предельно прост и логичен. Известные ныне тексты, в частности, опубликованный французским агентством «Гавас» 28 ноября 1939 г. так называемый «доклад Сталина от 19 августа 1939 г.»; опубликованная Т.Бушуевой запись этого «доклада», обнаруженная ею в Особом архиве (хранилище трофейных документов) [2]; опубликованный М.Шаули отчет группы чехословацких коммунистов об инструкциях, полученных ими в октябре 1939 г. в Москве от руководства НКИД СССР [3], скорее всего, вполне адекватно передают намерения Сталина образца осени 1939 года – хотя проблема аутентичности самих текстов еще требует своего разрешения.

План № 1 – это попытка реализации древнекитайской притчи про мудрую обезьяну, наблюдающую с горы за схваткой двух тигров. «*В результате своего скудоумия, Гитлер дал нам возможность построить базы против самого себя… С точки зрения экономики, Гитлер зависим только от нас, и мы направим его экономику так, чтобы привести воюющие страны к революции. Длительная война приведет к революции в Германии и во Франции… Война обессилит Европу, которая станет нашей лёгкой добычей. Народы примут любой режим, который придёт после войны…*» Если заменить ритуальное в разговоре между «товарищами коммунистами» слово «революция» на гораздо более адекватные ситуации слова «разруха, хаос и анархия», то простой, как и все гениальное, план Сталина предстанет перед нами во всей своей красе.

Осенью 39-го об установлении конкретных сроков вторжения в Европу не могло быть и речи: война еще только-только разгоралась, до полного разорения и истощения противоборствующих сторон было еще очень далеко. На этом этапе именно Германия представлялась Сталину слабой стороной конфликта, которой он оказывал разнообразную политическую, психологическую, экономическую помощь с тем, чтобы война не прекратилась в самом своем начале по причине разгрома Германии. В этой связи стоит отметить один примечательный момент. В упомянутом выше отчете чехословацких коммунистов приводится фраза А.М. Александрова (заведующий Центрально-Европейским отделом НКИД) о том, что «*мы не можем позволить себе, чтобы Германия проиграла*». Эта фраза имеет долгую и вполне достоверную историю.

Произнес её сам Сталин поздним вечером 23 августа 1939 г. в ходе беседы с Риббентропом. 18 октября 1939 г. Риббентроп решил использовать эту фразу в своем публичном выступлении и, как лояльный партнер Сталина, заранее прислал текст в Москву для согласования. В версии Риббентропа слова Сталина звучали так: «*Советский Союз заинтересован в том, чтобы Германия, являющаяся его соседом, была сильной, и в случае пробы сил между Германией и западными демократиями интересы СССР и Германии будут, конечно же, совпадать. Советский Союз никогда не захочет видеть Германию попавшей в сложную ситуацию*». [4] Товарищ Сталин с пониманием отнесся к желанию Риббентропа публично припугнуть ненавистных англо-французских плутократов и лишь попросил слегка смягчить формулировки. В согласованном варианте слова Сталина прозвучали так: «*Советский Союз заинтересован в существовании сильной Германии. Советский Союз, поэтому, не может одобрить действия западных держав, создающих условия для ослабления Германии и ставящих ее в тяжелое положение*». [5] Эта переписка была опубликована 60 лет назад Госдепом США в знаменитом сбор-

нике трофейных документов германского МИДа «Nazi – Soviet Relations», и никаких сомнений в ее подлинности у историков нет.

Дело (т. е. антизападная направленность политики Сталина) не ограничилось одними только словами. Красная Армия вторглась в Польшу и оккупировала чуть более половины ее территории – действие, которое формально ставило СССР на грань войны с Великобританией, давшей Польше пресловутые «гарантии» неприкосновенности ее территории. Затем было нападение на Финляндию – традиционного союзника западных демократий, исключение Советского Союза из Лиги Наций и уже не формально-юридическая, а вполне реальная перспектива вступления Советского Союза в европейскую войну в качестве противника англо-французского блока.

Удивительный документ (удивительный не своим содержанием, а тем, что его вовремя не уничтожили) сохранился в недрах Российского государственного военного архива. 5 марта 1940 г. заместитель начальника Особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР майор госбезопасности Осетров пишет докладную записку наркому обороны Ворошилову:

«31 января командующий войсками Сибирского военного округа командарм 2-го ранга Калинин сделал в окружном Доме Красной Армии доклад о международном положении… Калинин заявил о неизбежности большой войны весной 1940 года, в которой с одной стороны будет стоять СССР в блоке с Германией, Японией и Италией против англо-французского блока… Военные действия с Англией, Францией и их союзниками будут носить затяжной характер…» [6]

В последних строках докладной записки заместитель главного «особиста» НКВД СССР делает в высшей степени странные выводы: *«Многие командиры считают выступление тов. Калинина путанным и освещение в таком виде международной обстановки политически вредным».* Как прикажете понимать такую расплывчатость и осторожность в оценке? С каких это пор «особисты» стали прятаться за «мнение многих командиров»? И это после того, как НКВД успешно пересажало и перестреляло многие тысячи командиров Красной Армии?

Можно предположить, что 5 марта 1940 г. тов. Осетров и сам еще толком не знал, как теперь надо «освещать международную обстановку», с кем и против кого будет воевать Советский Союз, но на всякий случай решил проинформировать Ворошилова с тем, чтобы снять с себя всякую ответственность. Судя по последствиям – 4 июня 1940 г. С.А. Калинин получает звание генерал-лейтенанта и продолжает благополучно командовать своим округом, – доклад с открытыми заявлениями о «неизбежности войны против англо-французского блока», да еще и в союзе с гитлеровской Германией и фашистской Италией, вовсе не был оценен как злобная клевета на неизменно миролюбивую внешнюю политику СССР.

О войне против Англии и ее союзников не просто говорили в «окружном Доме Красной Армии». К ней настойчиво готовились. Ряд историков авиации (В.Белоконь, А.Степанов) обратили внимание на явную «антианглийскую» направленность развития советских ВВС на рубеже 30—40-х годов. Уже имея в серийном производстве и на вооружении строевых частей бомбардировщик ДБ-3ф, способный с бомбовой нагрузкой в 1 тонну пролететь 3300 км (самый дальний на тот момент немецкий He-111 имел боевую дальность не более 2700 км), Сталин в январе 1939 г. ставит перед конструкторами задачу создания бомбардировщика с дальностью 5000 км. В соответствии с этими требованиями был разработан и запущен в серийное производство на крупнейшем воронежском авиазаводе № 18 двухмоторный бомбардировщик ДБ-240 (Ер-2). Куда, в какую даль предстояло лететь «сталинским соколам» на бомбардировщиках с огромным радиусом действия? От Минска до Берлина – 1000 км, от Минска до Гамбурга – 1200 км, от Киева до Мюнхена – 1400 км, от Владивостока до Токио – 1200 км. Дальности серийного ДБ-3ф вполне хватало для бомбардировки указанных целей. А вот для удара

по Британским островам действительно требовался бомбардировщик со значительно большей дальностью (от Минска до Лондона 1900 км, до Манчестера – 2000 км).

Самым фантастическим проектом было «изделие ПБ-4»: дальний, тяжелый, 4 моторный и при всем при этом – пикирующий (!!!) бомбардировщик. Столь невероятное (никогда и никем не реализованное в металле) сочетание параметров обуславливалось задачей: самолет предназначался для борьбы с крупными надводными кораблями, которые он должен был поражать сверхтяжелой бомбой, разогнанной в пикировании до скорости, позволяющей пробить броневую палубу линкора. ПБ-4 разрабатывался в «шарашке» – тюремном КБ НКВД, в который Берия заботливо собрал весь цвет советской инженерной мысли: Бартини, Глушко, Егер, Королев, Мясищев, Петляков, Стечкин, Туполев, Чаромский… По воспоминаниям Егера, при разработке ПБ-4 в качестве типового объекта для бомбометания рассматривался английский линкор «Нельсон» и база Королевского ВМФ в Скапа-Флоу. И хотя создание самолета с такими параметрами превосходило возможности авиационной техники той эпохи, работы по проекту ПБ-4 продолжались до конца 1939 года.

В разговоре о том, как «под руководством Коммунистической партии накануне войны создавалась мощная оборонная промышленность» обязательно вспомнят и назовут танки Т-34 и КВ, реактивные минометы («катюша»), штурмовик Ил-2. При этом принято забывать о грандиозной программе строительства военно-морского флота. В перечне военной техники, оборудования и вооружений, закупленных в 1939–1940 г.г. в Германии (в обмен на кормовое зерно, жмых и очесы льна), едва ли не половину составляют многочисленные образцы корабельной (включая специальные коррозионно-стойкие орудия для подводных лодок) и береговой артиллерии, минного и торпедного вооружения, гидроакустические приборы, палубные самолеты-разведчики и катапульты для их запуска, гребные и турбинные валы, судовые дизели, корабельная броневая сталь, наконец, новейший крейсер «Лютцов», достроенный затем в Ленинграде.

Из 25 миллиардов рублей, ассигнованных в 1940 г. по плану заказов вооружения и боевой техники, почти четверть (5,8 млрд.) выделялась Наркомату ВМФ. [7] К началу мировой войны на вооружении ВМФ великой морской державы Великобритании числилось 58 подводных лодок, Германии – 57, Италии – 68, Японии – 63. Огромная континентальная страна СССР имела на вооружении (правда, не к сентябрю 39 г., а к июню 41 г.) 267 подводных лодок. Двести шестьдесят семь. Вопрос – морскую блокаду какой страны должен был осуществлять этот огромный подводный флот?

В «Записке командующего ВВС Черноморского флота по плану операций ВВС ЧФ» (не ранее 27 марта 1940 г.) читаем:

«Вероятный противник: Англия Франция, Румыния, Турция

Задачи ВВС: нанести удары по кораблям в водах Мраморного моря, проливе Босфор, постановка минных заграждений в Босфоре…» [8]

Доклад командующего ВВС ЧФ Главному морскому штабу о плане развития авиации Черноморского флота на 1940–1941 г.г. предполагал следующее развитие событий:

«…Задачи авиации по театрам военных действий:

1. Черное море. Нанесение мощных бомбовых ударов по базам: Констанца, Измаил, Варна…

2. Эгейское море: Салоники, Смирна…

3. Средиземное море: Александрия, Хайфа, Суэцкий канал, о. Мальта, Бриндизи… Систематическими ударами по Суэцкому каналу лишить Англию и Средиземноморские государства возможности нормальной эксплуатации этой коммуникации…» [9]

В эти же месяцы весны 1940 г. Главное управление ВВС РККА подготовило документ на 19 страницах под названием: «*Описание маршрутов по Индии № 1 (перевалы Барочиль, Читраль) и № 4 (перевалы Киллио, Гильчит, Сринагор).»* [10] На 34 страницах был состав-

лен «Перечень военно-промышленных объектов» Турции, Ирана, Афганистана, Ирака, Сирии, Палестины, Египта и Индии. [11] Почти все перечисленные страны – колонии или союзники Великобритании.

11 мая 1940 г. дивизионный комиссар Шабалин подает докладную записку начальнику Главного Политуправления Красной Армии Мехлису, в которой с большой тревогой пишет о «*необходимости тщательно просмотреть организацию частей и соединений Красной Армии под углом зрения готовности их вести войну на Ближневосточном театре*» [12]

Вся эта «маниловщина», сладкие сны про «перевалы Киллио, Гильчит, Сринагор» на пути к Индийскому океану и освободительный поход на Иерусалим, рассыпалась в пух и прах в мае 1940 г. Франция и ее союзники были разгромлены в течение одного месяца. Английский экспедиционный корпус еле унес ноги, оставив на прибрежном песке Дюнкерка горы тяжелого вооружения. Новорожденный вермахт с головокружительной быстротой превращался в мощнейшую армию мира. Большая часть континентальной Западной Европы оказалась под контролем Гитлера. Эта ошеломляющая реальность заставила Сталина срочно менять стратегический план войны.

Еще совсем недавно (17 апреля 1940 г.), менее, чем за месяц до начала немецкого наступления на Западе, выступая на Совещании высшего комсостава Красной Армии, Сталин выразил свою обеспокоенность пассивностью вяло-дерущихся империалистов: «*Воевать-то они там воюют, но война какая-то слабая, то ли воюют, то ли в карты играют. Вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено*». Два месяца спустя немецкие войска прошли парадным маршем под Триумфальной аркой Парижа, и перед шибко мудрой обезьяной замаячила перспектива оказаться один на один с разъяренным, попробовавшим вкус крови, тигром. Но пронесло. Летом 40-го года Гитлер в первый (но еще не в последний) раз помог Сталину выкарабкаться из крайне тяжелой ситуации.

Вместо того, чтобы вовремя остановиться и, выражаясь циничным языком биржевых спекулянтов, «зафиксировать прибыль», Гитлер решил добить непокорную Англию. И вот тут-то коса нашла на камень. 22 июня (да, странные шутки отпускает порой История…) 1940 года советский посол И.Майский докладывал из Лондона в Москву:

«Теперь уже можно с полной определенностью сказать, что решение британского правительства, несмотря на капитуляцию Франции, продолжать войну, находит всеобщую поддержку населения… Большую роль в этом сыграли выступления Черчилля. Паники нет. Наоборот, растет волна упрямого, холодного британского бешенства и решимости сопротивляться до конца…»

В августе 1940 г. началось крупномасштабное воздушное наступление на Британские острова. Однако, несмотря на значительное численное превосходство люфтваффе, блицкриг в небе над Лондоном не состоялся. Не удалось задушить Англию и удавкой морской блокады, хотя немецкие подводники и добились огромных успехов, отправляя на дно морское ежемесячно по 300 000 тонн тоннажа уничтоженных судов. Война, которая в июне 40-го казалась уже завершенной, разгоралась с новой силой, распространяясь на огромной территории от побережья Северной Норвегии до пустынь Северной Африки. Товарищ Сталин смог облегченно вздохнуть и приступить к разработке «плана № 2».

План № 2 – это план войны с Германией. Не вместе с Германией, а против Германии.

В отличие от «плана № 1», о содержании которого можно лишь догадываться по отдельным крохам информации, «план № 2» известен сегодня достаточно подробно. В первой половине 90-х годов были рассекречены и опубликованы в ряде сборников (в частности, в известном двухтомном «Россия – XX век, Документы. 1941 год», М., Международный фонд «Демократия», 1998 г.) следующие документы:

– Докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И.В.Сталину и В.М.Молотову «Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке», б/н, не позднее 16 августа 1940 г. [13]

– Документ с аналогичным названием, но уже с номером (№ 103202) и точной датой подписания (18 сентября 1940 г.) [14]

– Докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И.В.Сталину и В.М.Молотову № 103313 (документ начинается словами «*Докладываю на Ваше утверждение основные выводы из Ваших указаний, данных 5 октября 1940 г. при рассмотрении планов стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на 1941 год»,* в связи с чем его обычно именуют «уточненный октябрьский план стратегического развертывания») [15]

– Докладная записка начальника Штаба Киевского ОВО по решению Военного Совета Юго-Западного фронта по плану развертывания на 1940 г, б/н, не позднее декабря 1940 г. [16]

– Докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И.В.Сталину и В.М.Молотову «Уточненный план стратегического развертывании Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке», б/н, от 11 марта 1940 г. [17]

– Директива наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии командующему войсками Западного ОВО на разработку плана оперативного развертывания войск округа, б/н, апрель 1941 г. [18]

– Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками, б/н, не ранее 15 мая 1941 г. [19]

К документам, описывающим оперативные планы советского командования следует отнести и материалы январских (1941 г.) оперативно-стратегических игр, проведенных высшим командным составом РККА. [20] К такому выводу нас подводит не только простая житейская логика, но и опубликованная лишь в 1992 г. статья маршала А.М.Василевского (в качестве заместителя начальника Оперативного управления Генштаба он участвовал в разработке всех вышеуказанных оперативных планов), который прямо указывает на то, что «*в январе 1941 г., когда близость войны уже чувствовалась вполне отчетливо, основные моменты оперативного плана были проверены на стратегической военной игре с участием высшего командного состава вооруженных сил».* [21]

Строго говоря, информации для размышления предостаточно. В распоряжении историков имеется пять вариантов общего плана стратегического развертывания Красной Армии и материалы по оперативным планам двух важнейших фронтов: Юго-Западного и Западного. В рамках данной статьи следует отметить лишь несколько ключевых моментов.

Во-первых, оперативный план Большой войны существовал. Странно, что это надо особо подчеркивать, но иные пропагандисты в своем «усердии не по разуму» доходили и до утверждения о том, что «наивный и доверчивый» Сталин заменил разработку военно-оперативных планов любовным разглядыванием подписи Риббентропа на пресловутом «Пакте о ненападении». Разумеется, план войны с Германией существовал, и многомесячная работа над ним шла безо всяких оглядок на Пакт. В упомянутых выше планах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР (т. е. начиная с августа 1940 г.) Англия в качестве возможного про-

тивника СССР уже не упоминается (!); главным противником неизменно считается Германия, которую предположительно могли поддержать Италия, Венгрия, Румыния и Финляндия.

Во-вторых, все опубликованные на сей момент планы стратегического развертывания представляют собой фактически один и тот же документ, лишь незначительно изменяющийся от одного варианта к другому. Имеет место не только смысловое, но и явное текстуальное сходство всех планов. Все без исключения документы представляют собой описание плана подготовки и проведения **грандиозной наступательной операции, проводимой за пределами государственных границ СССР**. Стратегическая оборонительная операция на собственной территории не рассматривалась даже как один из возможных вариантов развития событий будущей войны! Вся топонимика театра предполагаемых военных действий представляет собой наименования польских городов и рек *(«нанести удар и решительное поражение Люблин – Радом – Сандомир – Краковской группировке противника, форсировать р. Висла, овладеть Краков и Варшава и выйти на фронт Варшава, Лодзь, Крейцбург, Оппельн…»)*

В-третьих, только августовский (1940 г.) документ ставит выбор направления развертывания главных сил Красной Армии в зависимость от вероятных планов противника (*«считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья р. Сан, необходимо и главные силы Красной Армии иметь развернутыми к северу от Полесья»).* С большой натяжкой эту логику еще можно назвать «планированием ответного контрудара». Все же последующие варианты устанавливают географию стратегического развертывания исключительно из соображений военно-оперативных и политических «удобств» для наступающей Красной Армии. Оценка вероятных планов германского командования (развертывание немцами наиболее мощной группировки к северу или к югу от болот Полесья) несколько раз меняется, но это уже никак не влияет на выбор направления главного удара Красной Армии.

Конкретнее: начиная с октября 1940 г. все варианты оперативного плана предусматривают развертывание главных сил Красной Армии южнее р. Припять, в районе так называемого «Львовского выступа». Выбор именно такой схемы развертывания (и, соответственно, отказ от «северного варианта») составители документов обосновывают сугубо наступательными соображениями:

«Развертывание главных сил Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на Варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям, свяжет наши главные силы, не даст нужного и быстрого эффекта, ускорит вступление Балканских стран в войну против нас…

Наиболее выгодным является развертывание наших главных сил к югу от р. Припять с тем, чтобы мощными ударами на Люблин, Радом и на Краковском направлении разбить главные силы немцев и в первом же этапе войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важных экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне против нас.» [22]

Наступление на Люблин – Радом – Краков неизменно называлось лишь «первой стратегической задачей». Мартовский (1941 г.) план уже в явном виде устанавливает направления последующих ударов:

«*Дальнейшей стратегической целью для главных сил Красной Армии в зависимости от обстановки может быть поставлено: развить операцию через Познань на Берлин, или действовать на юго-запад на Прагу и Вену, или удар на севере на Торунь и Данциг с целью обхода Восточной Пруссии».* [23]

Если сам замысел операции понятен, и дискуссия возможна лишь в плане уточнения отдельных деталей, то даже ориентировочную дату начала «освободительного похода» установить на основании рассекреченных документов невозможно. Государство российское продол-

жает успешно играть с независимыми историками в прятки. Помнится, в годы моего детства была такая радиопередача: «Угадайка, угадайка – интересная игра…»

Высказанная В.Суворовым и И.Буничем гипотеза о том, что вторжение в Европу Сталин намеревался начать в тот момент, когда немецкие войска высадятся на Британских островах, не находит подтверждения в известных документах. Нет слов, гипотеза красивая и логичная, но, увы, одной только «красоты замысла» для историка мало.

В ходе упомянутых выше январских (1941 г.) оперативно-стратегических игр, проведенных высшим командным составом РККА, разыгрывалось наступление от Львова на Краков и далее через Словакию на Будапешт, которое по сценарию игры происходит в августе 1941 г. Это – указание конкретного года – выглядит довольно странно; указание месяца (август) необходимо для того, чтобы командиры могли правильно учесть природно-климатические условия, продолжительность светового дня и прочее, но для чего же потребовался год?

Самые большие вопросы вызывает Докладная записка от 11 марта 1941 г., где на оборотной стороне 27-й страницы тонким карандашом, аккуратным «бисерным» почерком (предположительно рукой начальника Оперативного управления Генштаба Ватутина) вписана фраза: «*Наступление начать 12.6*». [24] Фраза эта никак не связана с контекстом (она появляется после описания задачи, поставленной перед «левым крылом главной группировки Юго-Западного фронта») и вообще кажется неуместной в документе, где все хронологические отметки выражены в условных величинах, «привязанных» к первому дню операции *(«на 3-й день операции подвижными частями овладеть Седлец и на 5-й день переправами на р. Висла… силами подвижных групп на 8-й день операции овладеть Краков…»)*.

Внимательный анализ документа дает некоторое основание предположить, что фраза «*наступление начать 12 июня*» никак не могла быть связана с 12 июня 1941 года. Скорее всего, речь шла о лете 1942 года. Логика здесь очень простая – большая часть механизированных (танковых) соединений, упомянутых в мартовском (1941 года) плане стратегического развертывания, просто не существовала в реальности. Так, в состав 4-й армии Западного фронта (именно ей и предстояло «*на 3-й день операции подвижными частями овладеть Седлец и на 5-й день переправами на р. Висла…»)* по плану включались три мехкорпуса. Тем же тонким карандашом вписаны и их номера: 13-й, 14-й и 17-й. На тот момент о решительном наступлении силами этих соединений не могло быть и речи. 14-й мехкорпус по утвержденным в феврале 1941 г. планам заканчивал формирование лишь в начале 1942 года. Что же касается 13 МК и 17 МК, то они и вовсе находились на самой ранней стадии формирования, и даже к концу 1941 г. их плановая укомплектованность танками должна была составить порядка 25–30 %.

В целом, развернутая в феврале 1941 г. программа формирования гигантских бронетанковых сил в составе тридцати мехкорпусов по тысяче танков в каждом, перевооружение этой чудовищной бронированной орды «танками новых типов», т. е. КВ и Т-34, не могла быть завершена ранее конца 1942 года (если не позже). Ни один разумный человек – а Сталин, без сомнения, был человеком трезвомыслящим и чрезвычайно осторожным – не стал бы затевать такой грандиозный «капитальный ремонт» за несколько месяцев до Большой войны. Очень может быть, что в бесконечных заклинаниях советской исторической пропаганды («Сталин надеялся оттянуть нападение Германии до лета 1942 года»), есть изрядная доля истины. Правда, истины причудливо искаженной. Сталин не для того создавал крупнейшую армию мира, чтобы с замиранием сердца гадать: «нападет – не нападет…» Сталин вел свою собственную, активную и наступательную политику; он вовсе не ждал нападения Гитлера, а выбирал оптимальный момент для нанесения сокрушительного первого удара. В марте 1941 г. этот момент, скорее всего, был отнесен им к началу лета («12 июня») 1942 или даже 1943 года.

«В поле две воли» – говорит старинная русская поговорка. Драматичное развитие событий мировой войны не позволило Сталину подготовиться к вторжению в Европу основательно,

«с чувством, с толком, с расстановкой». В какой-то момент весны 1941 г. Сталин понял, что «оттянуть» до лета следующего года не удастся, и нанести удар первым возможно лишь в том случае, **если Красная Армия начнет наступление не позднее сентября 1941 года.** Так умер, не успев реализоваться, «план № 2», и высшему военно-политическому руководству Советского Союза пришлось спешно разрабатывать «**план № 3».**

Когда произошел этот резкий поворот в планах Сталина? Как ни странно, но мы можем определить этот момент времени с точностью до одного-двух месяцев (что в отсутствии прямых документальных свидетельств может считаться высокой точностью). Не раньше 6 апреля – и не позже 24 мая 1941 г.

6 апреля 1941 г. – один из наиболее загадочных дней в истории Второй мировой войны. Напомним основную канву событий. В ночь с 26 на 27 марта в Белграде произошел военный переворот, инспирированный то ли английской, то ли советской спецслужбами. Новое правительство генерала Симовича заявило о своем намерении дать твердый отпор германским притязаниям и обратилось с просьбой о помощи к Советскому Союзу.

3 апреля (т. е. всего лишь через неделю после переворота) югославская делегация уже вела в Москве переговоры о заключении договора о дружбе и сотрудничестве с самим Сталиным. Несмотря на то, что Германия через посла Шуленбурга довела до сведения Молотова свое мнение о том, что «*момент для заключения договора с Югославией выбран неудачно и вызывает нежелательное впечатление»,* в 2.30 ночи 6 апреля 1941 г. советско-югославский договор был подписан.

Через несколько часов после его подписания самолеты люфтваффе подвергли ожесточенной бомбардировке Белград, а немецкие войска вторглись на территорию Югославии. Советский Союз никак и ничем не помог своему новому другу. 6 апреля, примерно в 16 часов по московскому времени Молотов принял Шуленбурга и, выслушав официальное сообщение о вторжении вермахта в Югославию, ограничился лишь меланхолическим замечанием: «*Крайне печально, что, несмотря на все усилия, расширение войны, таким образом, оказалось неизбежным…»* [25]

Что это было? Для какой надобности Сталин демонстративно «дразнил» Гитлера, не имея желания (да и практической возможности) оказать Югославии действенную военную помощь? Доподлинно известно, что в Берлине этот странный дипломатический демарш восприняли с крайним раздражением. Позднее (22 июня 1941 г.) именно события 5–6 апреля были использованы в германском меморандуме об объявлении войны Советскому Союзу как главное свидетельство враждебной политики, которую Советский Союз проводил в отношении Германии («*С заключением советско-югославского договора о дружбе, укрепившем тыл белградских заговорщиков, СССР присоединился к общему англо-югославо-греческому фронту, направленному против Германии»)*.

6 апреля – это последний день, про который можно с уверенностью сказать, что в этот день советско-германские отношения были весьма напряженными и недружественными. Далее **внешняя** (подчеркнем это слово тремя жирными чертами) канва событий резко меняется. Причем меняется в сугубо одностороннем порядке – Москва начинает демонстративно и навязчиво «дружить» с Берлином.

13 апреля 1941 г. произошло крупное событие мирового значения: в Москве был подписан Пакт о нейтралитете между СССР и Японией – соглашение, которое развязывало Сталину руки для действий на Западе. В этот же день случился и небольшой эпизод на московском вокзале, привлекший, однако, к себе пристальное внимание политиков и дипломатов всего мира. В отчете, который посол Германии в тот же день с пометкой «Срочно! Секретно!» отправил в Берлин, этот странный эпизод был описан так:

«*…Явно неожиданно как для японцев, так и для русских вдруг появились Сталин и Молотов и в подчеркнуто дружеской манере приветствовали Мацуоку и японцев, которые там*

присутствовали, и пожелали им приятного путешествия. Затем Сталин громко спросил обо мне и, найдя меня, подошел, обнял меня за плечи и сказал: «Мы должны остаться друзьями, и Вы должны теперь всё для этого сделать!» Затем Сталин повернулся к исполняющему обязанности немецкого военного атташе полковнику Кребсу и, предварительно убедившись, что он немец, сказал ему: «Мы останемся друзьями с Вами в любом случае». Сталин, несомненно, приветствовал полковника Кребса и меня таким образом намеренно и тем самым сознательно привлек всеобщее внимание многочисленной публики, присутствовавшей там». [26]

Жаркие объятия у дверей вагона были вскоре дополнены и другими, столь же демонстративными действиями. В Москве были закрыты посольства и дипломатические представительства стран, разгромленных и оккупированных вермахтом. Не стало исключением и посольство той самой Югославии, на договоре о дружбе с которой, как говорится, «еще не просохли чернила». С другой стороны, взаимоотношения с Великобританией дошли до такой точки замерзания, что английский посол С.Криппс 6 июня 1941 г. был отозван из Москвы в Лондон «для консультаций». В мае 1941 г. Советский Союз с молниеносной готовностью признал прогерманское правительство Ирака, пришедшее к власти путем военного переворота. В самом благожелательном по отношению к Германии духе решались все вопросы экономического сотрудничества. В меморандуме МИД Германии от 15 мая 1941 г. отмечалось:

«Переговоры с первым заместителем Народного комиссара внешней торговли СССР были проведены в весьма конструктивном духе… У меня создается впечатление, что мы могли бы предъявить Москве экономические требования, даже выходящие за рамки договора от 10 января 1941 года… В данное время объем сырья, обусловленный договором, доставляется русскими пунктуально, несмотря на то, что это стоит им больших усилий; договоры, особенно в отношении зерна, выполняются замечательно…» [27]

Престарелый граф Шуленбург был совершенно очарован объятиями гостеприимных московских хозяев (к слову говоря, в 1944 г. бывший посол Германии в СССР был казнен за участие в заговоре против Гитлера, так что его «наивная доверчивость» могла быть и не столь наивной, как кажется). 24 мая 1941 г. в очередном донесении в Берлин он пишет:

«… То, что эта внешняя политика, прежде всего, направлена на предотвращение столкновения с Германией, доказывается позицией, занятой советским правительством ***в последние недели*** (подчеркнуто мной. – *М.С.*), *тоном советской прессы, которая рассматривает все события, касающиеся Германии, в не вызывающей возражений форме, и соблюдением экономических соглашений…»* [28]

5 мая 1941 г. Сталин назначил себя Председателем СНК, т. е. главой правительства СССР. Это событие удивило тогда всех – кроме, разумеется, граждан Страны Советов, которые горячо и единодушно одобрили очередное мудрое решение. Все остальные терялись в догадках. Позднее, осенью 1941 г. С.Криппс писал в своем докладе на имя министра иностранных дел Э.Идена:

«… в СССР начали происходить вещи, имевшие очевидно, некоторые специальные цели. Вскоре после первомайского парада был опубликован Указ о назначении Сталина на пост премьер-министра, что, несомненно, было актом громадного политического значения. Все утверждали, что за этим его шагом скрывается какая-то важная цель, но никто с уверенностью не знал, что это значило…» [29]

Тайна сия велика есть. Вряд ли надо объяснять, что и до 5 мая 1941 г. товарищ Сталин, будучи всего лишь одним из многих депутатов Верховного Совета СССР, обладал абсолютной полнотой власти. И до 5 мая 1941 г. товарищ Молотов, являясь номинальным Председателем СНК, согласовывал любой свой шаг, любое решение правительства с волей Сталина. Долгие годы Сталин управлял страной, не испытывая нужды в формальном оформлении своего фактического статуса единоличного диктатора. Что же изменилось в начале мая 41-го года?

10 мая 1941 г. в Комитете Обороны при СНК СССР был утвержден «Перечень вопросов, подлежащих рассмотрению на совещании» (кого с кем – не указано). Пункт 14 повестки дня звучит так: «*О дополнительных сметах расходов на период мобилизации и первый месяц войны*». [30] 12 мая 1941 г. подготовлен «Перечень вопросов в ЦК ВКП(б)». Пункт 7: «*О работе ГВФ* (Гражданский Воздушный флот) *в военное время*». [31]

Особого внимания заслуживает следующий документ. 4 июня 1941 г. нарком ВМФ Н.Кузнецов направляет заместителю Председателя СНК (т. е. заместителю Сталина) Н. Вознесенскому докладную записку № 1146. Гриф секретности документа: «совершенно секретно, особой важности». И это действительно документ особой важности для историка – в нем впервые рядом со словосочетанием «военное время» появляются абсолютно конкретные даты: «*Представляю при этом ведомость потребности Наркомата ВМФ по минно-торпедному вооружению* ***на военное время с 1.07.41 по 1.01.43.*** *Прошу Ваших указаний об увеличении выделенных количеств минно-торпедного вооружения, учитывая, что потребность в них на 2-е полугодие 1941 в/г составляет 50 % от общей потребности на период до 1.01.43 г.*»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.